

Зельма Слоним-Тамаркина

Тель-Авив, 2006

Часть I – жизнь в Эстонии в 1920-30х годах.

Сразу после получения Эстонией самостоятельности евреям была предоставлена культурная автономия. Председателем её был Айзенштадт.

В начале 20-х годов мой отец, Шмарья (Шмарьяху) Тамаркин – учитель по профессии, основал еврейскую школу, которая очень скоро развилась в гимназию. Было постоянное здание, и отец пригласил директора из Румынии историка Самуила Гурина. Первые 10 выпусков языком преподавания был русский, но изучались все еврейские предметы: иврит, идиш, еврейская история, танах (у нас называлось «хумеш»). После 10-го выпуска с 1 класса языком преподавания стал иврит, а через год были открыты параллельные классы с языком преподавания иврит и идиш. Были еврейские дети, учившиеся в русской и немецкой гимназиях.

Первый выпуск класса с преподаванием на идиш. В центре в ряду учителей – Ш. Тамаркин (3.6.1934)

Еврейская культурная жизнь была интенсивной. Было литературно-театральное общество (называлось «ферайн» - в переводе на русский – объединение) имени Бялика, с громадной библиотекой, самодеятельным театром, лекциями. Мой отец был почти бессменным его председателем, лектором, прекрасным оратором и большим просветителем. Временами председателем бывал Эфраим Рохлин. Из членов правления помню фамилии: Эйбус, Гольдштейн, Друк.

Язык общения был идиш. Приглашались писатели, лекторы, чтецы из разных стран. Из них помню Бялика, Жаботинского, писателя-юмориста Тункелера, чтеца Вайсборда.

Члены правления общества «Бялик». Слева направо: Ш. Тамаркин, Гольдштейн, Тункелер, Друк

В здании была маленькая комната, отданная в пользование «Бунду» – очень небольшой группе социалистического толка. Находилось здание на улице Narva maantee 11. В другом районе, на Väike Kaarja было другое общество под названием «Клуб», очень многочисленное. В нём встречались больше люди сионистского направления (клуб имени Бялика был идишским культурно-просветительским обществом). О культурных мероприятиях «клуба» знаю мало. То, что приезжали такие деятели, как Жаботинский, помню. Там люди проводили много времени в постоянном общении, и общественная жизнь была интенсивной.

Существовало 2 молодёжных сионистских организации: бейтар (Брит Трумпельдор), идеологом которой был Жаботинский, и левая – ха'шомер ха'цаир. Члены – от возраста старших школьников и старше. Они получали сертификаты на въезд в тогдашнюю Палестину – один на супружескую пару. Очередные заключали фиктивный брак и по прибытии на место расторгали его.

Религиозная община включала в себя фактически всё еврейское население города. Присутствие всех в синагоге было само собой разумеющимся во время всех праздников, и празднование их в каждом еврейском доме – традицией.

Председателем религиозной общины много лет был Маркович. Он умер во время войны. Синагога была замечательно построенной – бело-серебристо-голубой. Разрушение её, вместе с людьми, немецкими гранатами – невосполнимая потеря. В здании уничтоженной синагоги была квартира кантора (хазана) Гуревича, человека с прекрасным голосом, красивого и представительного. У него был небольшой хор мужчин и мальчиков, участвовавший во всех богослужениях. Исполнению их Коль-Нидрей в вечер Йом Кипура приходили внимать многие эстонцы. В более поздние годы был приглашен раввин. Я с ним не была знакома. Его убили немцы.

Одно довольно большое помещение занимало управление актами гражданской регистрации (по-советски ЗАГС). Им руководил мой отец, приходивший туда на пару часов после школьных занятий, и работала секретарша - госпожа Пинес. Все браки, рождения, смерти регистрировались там, а затем документы за какой-то срок собирались и отправлялись в общегородское управление.

Контакты еврейских общественных деятелей с таковыми же в Литве и Латвии были постоянными. Помню об очень представительной и интересной конференции в Вильнюсе (тогда город назывался Вильно) в середине 30-х годов, с которой отец приехал полным глубокими впечатлений.

Среди еврейского населения было много интеллигенции. Большое количество посетителей концертов гастролёров и симфонических концертов оркестра в концертном зале «Эстония» были евреями. Посещались и эстонская опера и немецкий театр, в здании которого давал спектакли и русский театр (с базой в Риге, как мне кажется). Немецкий и русский знали все, качество эстонского зависело от места происхождения и длительности постоянного жительства в Эстонии. Было много людей с высшим образованием, но лишь небольшая часть работала по специальности, те, кто смог приобрести собственную частную практику. Работа в учреждении, государственном или частном, для еврея была редчайшим, единичным случаем. Было еврейское частное предпринимательство, в котором молодое поколение могло получить работу.

Вторая по величине еврейская община была в Тарту, уютном университетском городе. Об еврейской общественной жизни я почти не знаю. Образ жизни тот же, что в Таллинне, может быть чуть более ассимилированный (в сторону немецкого языка и культуры), но с соблюдением еврейских традиций. Были в среде еврейских студентов корпорации со своими цветами, лентами, шапками, саблями и всеми корпорационными атрибутами. Самая заметная была «Хасмонея» сионистского направления (видным её деятелем был Цви Каменовский). Была ещё другая корпорация, победнее и поскромнее, но я не помню подробностей.

Довольно много евреев жило в Нарве. В Вильянди и Раквере мало. Побольше – в Валга. Мне даже кажется, что там была еврейская школа, где директором был адвокат Эпштейн, живший потом в Иерусалиме, его уже нет в живых.

Часть II - семья Тамаркин

Отец, Тамаркин Шмарья (Шмарьяху), родился в 1881 году в местечке Кольшки Витебской области. Следы этого места никому не удалось разыскать. Многодетная семья, насколько помню по рассказам отца. Его отец был кем-то вроде Тевье-молочника. Его семья – родственники, т.е. дети старшего брата были в советское время обнаружены в Москве и Ленинграде.

Старшая сестра моего отца разыскала его после 30 лет неизвестности, она жила в Америке с мужем и двумя дочерьми. В 1934 году посетила племянников в Москве и Ленинграде и нас в Таллинне.

1934. С сестрой отца из Америки. Отец, Рейза, Зельма, Арон, сестра отца, Мирьям, мама

Папа окончил учительский семинар в Витебске. Воевал в русско-японскую войну где-то в Манчжурии, был дважды ранен, дослужился до звания ефрейтора и, как ветеран и инвалид войны, имел право выбора местожительства за пределами черты оседлости. Выбрал Прибалтику, сначала Латвию, позже Эстонию. Он был высокообразованным человеком. Эстонский язык выучил читая ежедневно газету "Päevaleht", немецкий – читая Гёте. Обладал большими ораторскими и актёрскими способностями. В Латвии в любительском театральном обществе познакомился с моей матерью, артистически одарённой натурой. Женившись в 1909 году, они вскоре переехали в Таллинн.

О деятельности отца как учителя и просветителя, писала выше. Преподавал идиш, иврит, еврейскую историю. Знал арамейский язык и всемирную историю не хуже еврейской. Читал постоянно не меньше, чем до 3-х часов ночи. Вообще, в семье читали много, все новинки литературы XX века читались всеми. После советизации, т.е. закрытия еврейской гимназии и всех еврейских культурных и духовных учреждений, больше не работал. Был в эвакуации в Челябинской области и затем в Ташкенте. В 1944 г. вернулся в Таллинн, где жил пенсионером. Умер в 1952 г. Характерно, что на его похоронах бывший директор гимназии Гурин произнёс

речь о его педагогической деятельности. Я, по наивности, шепнула брату Арону: «А где же его общественная деятельность?», и он, также шепотом ответил: «молчи, он был учителем». В январе 1953 года я, обожавшая отца, сказала: «Какое счастье, что папа умер».

Мою мать звали Циля Гласс (по документам Циля-Фейга), она родилась в Тарту (по-русски Юрьев, по-немецки Дорпат. Старый университетский город, русскими университет назывался дерптский). Отец её умер молодым от рака горла, и мать мамы вырастила 7 детей: 2-х сыновей и 5 дочерей. В годы детства мамы семья жила очень тяжело; мать выпекала хлеба, которые дети ранним утром, замерзая, разносили. Мама стала фармацевтом – помощником провизора, в ранней юности получила работу в Узбекистане – Коканде и Самарканде. В годы моего детства работала в маленьком писчебумажно-игрушечном магазине, который отец открыл для поддержания материального положения семьи. Ввиду отсутствия первоначального капитала и таланта в этой области деятельности, довольно скоро магазин пришлось ликвидировать.

Мать моя была человеком необычайной душевной чистоты и тонкости, очень артистически одарённой, хорошо пела, знала наизусть невероятное количество поэзии на немецком и русском языках. Всегда жалела, что не смогла получить музыкального образования и всеми силами старалась, чтобы дети его получили. Во время войны тяжело переносила лишения – голод и недостачу во всём. Умерла в 1948 году в Таллинне.

У матери было много родственников в Эстонии – семьи сестёр и братьев. В Тарту жила старшая сестра Ханна Каплан. У её мужа был лесной склад и 2-х этажный дом. Они

считались людьми состоятельными. Склад и дом остались в наследство 2-м старшим дочерям, и их мужья Марк Коловский и Яков Кропман (врач по профессии) управляли этим лесопильным заводом; было это над самой рекой Emaļõgi. Семья Коловских была разрушена сразу после появления советской власти. У Кропман немцами был убит сын. Семья эта при родителях Капланах была патриархально-еврейской. Мы всей семьёй ездили туда каждый год на Пейсах. Младшая дочь вместе с мужем Борисом Мирвицом позже жила в Таллинне. Он был врачом, но владел складом посуды, и хоть сразу после национализации ушёл на работу в больницу, это его не спасло, и он был сослан в лагерь, где как врач облегчал участь многих, но самого его отпустили домой уже умирать. Жена его вернулась из ссылки и как-то кормилась уроками фортепиано. Сестра мамы Женни жила с семьёй в Валга и умерла в 30-е годы XX века. Фамилия их была Шамес. Её дочь была зубным врачом, прожила до 70-х годов в Таллинне, много лет жила с семьёй моих родителей.

В семье умершей рано маминой сестры Зельмы Каменовской было 4 детей. Старшая дочь погибла в Таллинне от рук немцев, Сын Цви, по профессии кожевник, учился и жил в Тарту, женился на девушке из Латвии Зенте. После войны они жили в Пярну. Младшая дочь, Лувишук, жила в Таллинне. Самый младший Реувен воспитывался у тётки, сестры его и моей матери, Лины Вульф в Риге. После войны тётка Лина жила у нас в Таллинне. Руви всю войну провоевал, и ещё после неё был в армии в Таллинне. Последние довоенные годы он тоже жил в Таллинне в нашей семье. Умер в возрасте 36 лет.

Были в Таллинне и ещё дети маминых братьев. Были и двоюродные братья с семьями. Особенно интересной и интеллигентной была семья Германа Клас-Гласса. Он был зубным врачом, и у них с женой Стасей было 5 детей. Родители не пропускали ни одного концерта в зале Эстония. Один из сыновей, Эдуард, кроме того, что был инженер, окончил Таллиннскую консерваторию и был отличным виолончелистом. Он очень счастливо женился на пианистке Анне Клас – дочери кантора Гуревича. Их сын Эри Клас стал всемирно известным дирижером и очень уважаемым в Эстонии человеком. Он не мог помнить своего отца, т.к. к началу войны ему было 2 года, а отец был расстрелян немцами, как и его родители. Мы все были очень дружны с родственниками мамы.

Был ряд еврейских семейств, с которыми дружили и родители и дети. Среди них семья Рохлин. Он был общественным деятелем, близким моему отцу. Жена его рано умерла, дети учились в нашей гимназии. Семья Амитан: мать семейства была сестрой Рохлина, зубным врачом. Из их 2-х дочерей одна, Софья, была врачом и жила с семьёй в Раквере. Рано овдовев, она вернулась в Таллинн, где работала в больнице. Эмигрировала в Америку. Дочь её сестры, Илона Вольфсон, живёт в Израиле.

Была из ближайших друзей родителей семья Гиновкер, благороднейшие люди. У них была шоколадная фабрика. Мать семейства оказалась в Таллинне и убита немцами. Мужчины все были депортированы в ссылку, старший сын Овсей – в лагерь. После всех мытарств он в очень пожилом возрасте уехал в Израиль, где и умер. Младший, Мориц, живёт в Таллинне.

Ещё дружественная семья – Габовичи. У отца был обувной магазин. Их сын Яков был талантливейшим математиком и астрономом. Преподавал в Тарту. Был ближайшим другом моего брата Арона. Один из внуков Габовичей, Миша, живёт в Иерусалиме.

У моих родителей было четверо детей. Старшая дочь Мирьям (1912 года рождения) была исключительно талантливым человеком, особенно в музыке, и к 17 годам стала законченной пианисткой. Ей пришлось отказаться от занятий музыкой ввиду тяжелой

болезни, которая превратила её жизнь в трагедию. Вторая дочь, Рейза, официально Роза, окончила с отличием гимназию. Была членом сионистской молодёжной организации «Бейтар» и 20-и лет в 1934 году уехала в Израиль, где умерла в 1993 г. У неё остались сын и дочь.

Слева направо: Рейзи (Роза), Арон, Зельма, Мирьям. 1965г.

Мой брат Арон был исключительным человеком необычайной душевной красоты и щедрости, талантливым во всех областях. Окончил гимназию с отличием на год раньше срока, самостоятельно, без единого репетитора, перепрыгнув через класс. С 13 лет стал подрабатывать и помогать содержать семью. Окончил Таллиннскую консерваторию, снискав своим выступлением на заключительном акте хвалебные отзывы критиков. Материальное положение семьи не дало ему возможности ни получить университетское образование, ни сделать карьеру пианиста. Он был делопроизводителем- секретарём нашей гимназии после её окончания, прирабатывал как страховой агент общества «Ллойд», распространитель книг какой-то фирмы. После советизации получил работу в госплане, с которым был эвакуирован в Челябинскую область. Работал на шахте, давал уроки фортепиано. Был мобилизован в армию в Эстонский батальон, позже отозван в Москву на курсы государственных административных работников. Продвигалась группа этих людей вслед за армией по мере освобождения Эстонии от немцев. Был назначен заместителем управляющего делами совета министров. После увольнения оттуда работал в управлении по делам искусств, потом в газете по искусству с «подходящим» названием «Sirp ja vasar» (Серп и молот). Позже стал директором музея театра и музыки Таллинна. Умер в 54 года в 1969 г. Был членом театрального общества и союза журналистов.

Я – Зельма, младшая в семье, родилась в 1920 году. Ранняя тяга к игре на рояле. Окончила еврейскую гимназию и таллиннскую консерваторию. Год училась в Парижской консерватории, учёбу в которой не удалось продолжить из-за начавшейся в 1939 году войны в Европе. После пребывания в течение года в Таллинне и Тарту уехала продолжать учёбу в Ленинград, после чего в Эстонии уже постоянно не жила. Ежегодно приезжала с сольными концертами или с оркестром в Таллинн и в другие города Эстонии до 1969 года. После смерти Арона бывала только наездами. В моем музыкальном развитии решающую роль сыграла Анна Гуревич, ещё не вышедшая тогда замуж за моего троюродного брата Эдуарда Класа. Она 5 лет меня бесплатно учила помимо консерватории, где меня не удовлетворяли уроки моего профессора. Позже она вместе с мужем настояла на необходимости моего дальнейшего образования в Париже. Перед всеми выступлениями в Таллинне я всегда пользовалась её советами.

Второй человек, о котором необходимо знать независимо от его роли в моей судьбе, Маковский – инженер, владелец крупнейшей таллиннской целлулоидной фабрики и меценат, содержавший несколько еврейских студентов за границей. Он оплачивал половину моего содержания в Париже и собирался это делать 3 года. Когда его имущество конфисковали и фабрику национализировали, рабочие выбрали его директором. Таким образом он остался в Таллинне, где был убит немцами, несмотря на заступничество иностранных фирм.

Во время войны председатель совета министров Веймер, высоко ценивший Арона, назначил мне стипендию. Чтобы материально поддержать семью, я дала доверенность на эту стипендию отцу, и до самого окончания мной ленинградской консерватории она ему выплачивалась. Когда в 1945 году я участвовала во всесоюзном конкурсе музыкантов-исполнителей, меня попросили представлять Эстонию.